

УДК 821.161.1.09

«...НѢТЬ истины, гдѣ нѢТЬ любви»: современное прочтение «вечной» литературной темы

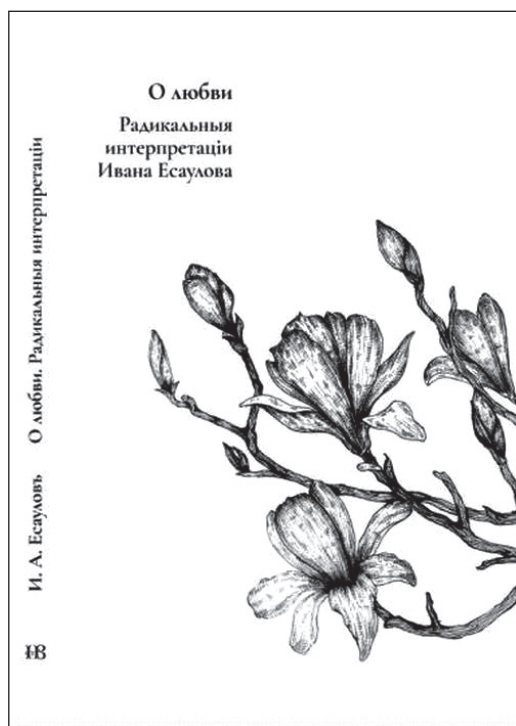
Есауловъ И.А. О любви. Радикальныя интерпретаціи. — Магаданъ : Новое Время, 2020. — 216 с. — 2000 экз.

В недавно созданном по инициативе М. С. Тейкина издательстве «Новое Время» вышла книга И. А. Есаулова «О любви. Радикальныя интерпретаціи». Почему само её название дано в традиционной русской дореволюционной орфографии, объясним непременно. Но вначале отметим: автор книги — известный литературовед Иван Андреевич Есаулов предложил читателям поиски решения задачи, главной целью которой становится осмысление сути радикального подхода к интерпретациям произведений о любви, созданных писателями «большого времени» русской культуры — от «Бедной Лизы» Карамзина и «Душеньки» Богдановича до стихотворений Иосифа Бродского. Эта задача связана с читательским постижением внутренней логики в расположении материала, с восхождением через ряд ступеней к сокровенному смыслу авторской концепции, основанной на истолковании шедевров русской литературы, которые объединены этой «вечной темой». Инструментарий исследователя включает не только тематический, «мотивный» анализ, но и его метод — особый личностный путь смысловых откровений, предполагающий синтез собственной любви к рассматриваемым литературным образам и строгий филологический подход к выявлению содержательности структуры рассматриваемых литературных произведений.

Интерпретация, по мнению автора книги, — это более свободная форма трактовки художественного целого по сравнению



с эстетическим анализом, свободная в том смысле, что допускает ярко выраженный индивидуальный взгляд на классические тексты и использование выработанного самим исследователем метода «много-ступенчатого» восхождения к сакральным смыслам творческих созданий русских писателей. Но скажем сразу: такая свобода не означает произвольного истолкования рассматриваемых автором шедевров Карамзина, Пушкина, Гоголя, Тургенева,



Достоевского, Толстого, Бунина, Мандельштама, Шмелёва. Более того, она продиктована стремлением показать глубинные христианские основания русской классики, ярко проявляющиеся в произведениях на эту «вечную тему».

То, как трактует И. А. Есаулов философию любви писателей-классиков, — это не просто интересно, но и глубоко познавательно. Ещё раз можно убедиться в правоте Д. С. Лихачёва и Ю. М. Лотмана, утверждавших, что никто не может претендовать на последнее слово о художественном произведении и что каждый может вынести из диалога с литературным текстом столько, сколько способен воспринять и осмыслить. Объясняется этот феномен неисчерпаемостью содержания подлинного произведения словесного творчества, его многослойностью, определяемой, как это показал в своих работах известный филолог второй половины XIX в. А. А. Потебня, внутренней структурой художественного образа, системой взаимоотражений всех его составляющих.

Автор книги показывает, сколь неисчерпаемыми являются творения наших великих писателей, в центре художественного внимания которых всегда был человек *в* мире. Человек *и* мир — уже другая, рационально-теоретическая ипостась познания. И ещё один урок вынесет читатель, знакомясь с новой книгой: понимание того, что интерпретации «слов» смысла не могут принципиально расходиться с авторской логикой и последовательностью текста, а потому недопустимы трактовки литературных произведений с позиций всякого рода идеологием, социологических и «партийных» стереотипов.

В чём проявляется радикальность интерпретаций темы любви в произведениях столь разных писателей XIX и XX вв., представленных в книге И. А. Есаулова? Объединяет все эти литературоведческие сюжеты общий подход к художественному материалу.

Структура и внутренняя логика книги обусловлены не столько историко-литературной хронологией, сколько стремлением автора показать: русские писатели Нового времени в своих произведениях утверждали великую идею — «всё движется любовью» (Мандельштам О. Э. «Бессонница. Гомер. Тугие паруса»). И каждый сюжет книги, в котором такая идея предмечивается в том или ином аспекте, является следующей ступенью в реализации авторской интенции — его стремления показать, как русская литература в изображении героев, не свободных от «первородного греха», от власти «телесности», от этой «тёмной стороны» человеческого естества, шла по пути высвечивания святости в Человеке.

Своего рода литературоведческой кульминацией радикальных интерпретаций автора стал сюжет о «невидимом граде Китеже и деде Февронии» (с. 181–206), написанный на основе как древнерусского «Сказания о граде Китеже», так и либретто оперы Н. А. Римского-Корсакова: христианская любовь Февронии к её анти-

поду Гришке Кутерьме, символизирующая своего рода поединок Добра и Зла, означает торжество христианской любви. Блаженная дева Феврония жалеет предателя Великого града, сострадает тому, что его душа остаётся без спасения.

Православно-христианские коннотации вечной темы любви, действительно, органичны для русских писателей. Радикальность интерпретаций И. А. Есаулова просматривается в его истолковании того, как писатели, изображавшие героев, нередко нарушавших заповеди Нагорной проповеди Христа, начиная с «соблазнителя» Эраста и «бедной Лизы», совершившей грех самоубийства, показывали и святость человека: то, как за внешним искажением «натуры» проглядывает, «мерцает» лик, самоценная человеческая личность.

Любовь в её сакральных смыслах уже в сентименталистской поэтике, что очень тонко подмечено автором книги, проявлялась в редукции «телесности» при изображении героев. В оппозиции «телесности» и «святости» просматривается внутренняя логика авторской исследовательской мысли в освещении русскими писателями темы любви. «Естественное», «природное», «натура» не могли не проявляться при изображении ими «внутреннего человека». Не случайно в России очень популярны были теории «страстного влечения» Ш. Фурье и «естественного человека» Ж. Ж. Руссо. Защитники «нейтральной» и «доброй» природы человека сходились в том, что страсти приносят вред только в несовершенном обществе, поскольку оно искажает натуру человека. Но, как показывает И. А. Есаулов, в освещении конфликтов социального и человеческого русские писатели на стезю Фурье и Руссо не становились. Всё гораздо сложнее в противоречивой взаимосвязи «натуры», «природы человека» и общественного устройства. Выразительный пример — трактовка образа Андрия в «Тарасе Бульбе» (с. 34–52). Казалось бы, изменник Андрий должен быть нарисован только чёрной краской. Но Гоголь, изображая любовь этого героя, пока-

зывает, что чистое и светлое в душе человека оказывается невозможным, несовместимым с условиями «братоубийственной войны» (с. 51), ведёт к беде в мире, разбитом на противоположные стороны, объективно непримиримые лагеря. «Любовь в художественном цѣломъ повѣсти осмысливается какъ “судьба” героя...», — отмечает И. А. Есаулов, в ней «сохраняется героическая ситуация совпадения личности с ея “долгомъ”, но уже инымъ: любовь для Андрия становится такой же “субстанціальной силой дѣйствія” (Гегель), какой ранѣе выступала казацкая доблесть» (с. 51, 45). Автор книги очень тонко подметил: за Андрия молились Богородице и его православная мать, и его возлюбленная — польская католичка.

Любовь как проявление воли вневечных стихий («Тарас Бульба») или универсальных начал («Первая любовь» Тургенева) — объект исследований в области онтологической поэтики. Тургеневская повесть в этом отношении весьма показательна: произведение великого классика, созданное на основе реальной прототипической — автобиографической — основе, под пером художника становится воплощением философии любви, затрагивающей бытийные, сокровенные стороны экзистенции каждой человеческой жизни. Не случайно эта повесть привлекла внимание исследователя.

Русские писатели всегда видели в искренне любящих героях проявление Божественного в человеке, благодаря чему личное время-пространство этих героев оказывалось соприродным универсальному. Именно поэтому у героя рассказа И. А. Бунина «Руся» вся его жизнь, вся его «поэтическая вселенная вмѣстилась въ исторію любви», длившейся всего несколько дней (с. 94).

Отмеченной установкой во многом определялись особенности художественного воплощения нравственно-эстетической позиции автора в каждом из таких произведений, в том числе и в содержащих социально инструментальные ху-

дожественные коллизии, как, например, в повести Л. Н. Толстого «После бала» (с. 149–167). Даже в «Кроткой» Достоевского, казалось бы, менее всего сопряжённой с феноменом любви, литературовед находит эти сакральные смыслы, движение от «греховности» к «святости» (с. 128–148): трагедия героини невольно преобразует «подпольного человека», и этому «несчастному», по словам автора «фантастического рассказа», «открывается истина», обеспечивающая сохранение чувства личности.

Таким образом, особенно привлекательной для исследователя становится природа и сущность человека в понимании и творческом воплощении тех прозаиков и поэтов, которые создавали, по словам Томаса Манна, «святую русскую литературу». Логика раскрытия одной из её «вечных тем» предстаёт в книге И. А. Есаулова как переход от одного произведения к другому, обусловленный не формальным историко-литературным принципом, а стремлением выявить и показать стратегию движения от декларируемой «бестелесности» писателей-сентименталистов к художественной идее «всё движется любовью». Это, по сути, воплощение философии эроса, в классических текстах не выродившегося в эротику и проявлявшегося в формах гуманизма православно-христианской культуры.

Во всех сюжетах книги «О любви» чувствуется живое человеческое начало. Оригинальными интерпретации И. А. Есаулова становятся в силу того, что, идя «вслед за автором», т. е. доверяя смыслообразующей последовательности текста, прокладывая свой «субъективный путь» в постижении законов такого смыслопорождения, он при «погружении в субъектно-объектный поэтический мир» произведений русской литературы» (с. 9) не попадает в плен общих суждений, всякий раз обновляет понимание идейно-художественной сути каждого из них.

В главе, посвящённой рассказу Бунина «Руся», исследователь наглядно показы-

вает, что «построение текста *организует* само бытие художественного мира» и что понимание произведения зависит от того, в какой мере осознаются законы такого построения (с. 83). Но поскольку книга адресована не столько специалистам-литературоведам, сколько широкому кругу читателей, автор предусмотрел и необходимость читательского «труда». Да, от читателя требуются усилия в преодолении уже сложившегося в новых поколениях поверхностно-клипового мышления, требуется работа ума и души, связанная с переходом от упрощённого толкования художественного смысла «къ болѣе сложному и утончённому» (с. 7), на что и нацеливает автор читателя в предисловии к книге. Сам он активно использует принцип «остранения» в анализе поэтики рассматриваемых произведений (этот принцип впервые обосновал В. Б. Шкловский — прежде всего, на материале произведений Л. Н. Толстого) и читателей призывает идти по этому пути, преодолевая автоматизацию восприятия художественного образа. Апеллируя к категории «субъект-субъектного» «диалога согласия» между писателем и читателем (с. 8), И. А. Есаулов подаёт пример того, как достигается деавтоматизация в постижении «субъект-объектного поэтического мира», созданного художником слова.

Радикальность эстетических позиций И. А. Есаулова проявилась и в том, что его книга впервые в России за сто последних лет напечатана в традиционной русской орфографии. Этот прецедент вполне соответствует стремлению автора показать ментальные черты христианской любви, всегда находящиеся в культурном подсознании русского человека. Невольно вспоминаются слова академика Д. С. Лихачёва о том, что реформа в орфографии, осуществлённая в послереволюционной России «антихристовой властью» в атмосфере разгула атеизма и разрушения храмов, «посыгнула на самое православное в алфавите» и тем самым «отторгла Россию от небесной благодати».

Автору книги «О любви» было важно и читать писателей на языке оригинала, а не в переводе на «послеоктябрьский язык», и писать о них на том же — их языке. Вспомним в качестве примера о том, что Л. Н. Толстой назвал свою эпопею «Война и мир», и зададим вопрос: передаёт ли глубину смысла это название в современной транскрипции «Война и мир»? В возрождении традиционной русской орфографии проявилась любовь исследователя к сюжетам и героям рассматриваемых им произведений. Не случайно он отсылает читателей к высказываниям-афоризмам Степана Шевырѣва («безъ любви и знать ничего невозможно») и Александра Пушкина («нѣтъ истины, гдѣ нѣтъ любви»).

Подобные издания призваны популяризировать науку. Однако любовь — это всё же преобладание над какой-либо наукой человеческих чувств и эмоций. А последние лучше всего выражают литература и искусство. Именно этими мощными средствами воздействия на читателя отлично воспользовались автор и весь действительно творческий коллектив людей, принявших участие в создании книги. Как и для настоящей любви, где должен произойти синтез взаимных чувств, в этой книге органично сочетаются глубокое содержание и оригинальная форма, т. е. издательское оформление. Это далеко не всегда отличает современные издания, которые всё чаще превращаются в безликий товар, выпускаемый конвейерным методом. Книга И. А. Есаулова показывает, что и в современной России можно успешно противостоять шаблонам и стереотипам издательской практики в условиях рынка.

Рецензируемая книга в соответствии с её адресованностью массовому читателю представлена не в академическом формате научных изданий, а как книга художественная. Её особую издательскую эстетику создают общий дизайн — твёрдая одноцветная обложка с символическим рисунком веточки «дерева жизни», суперобложка с графикой академика живописи Фёдора Толстого; гравюры, виньетки, красивые буквицы. Оформление суперобложки имеет рецепционное задание: оно подчёркивает полемическую направленность отсылки к «телесности» графических работ Фёдора Толстого, который героев «древней повести в стихах» Ипполита Богдановича просто не мог изобразить бестелесными. Тенденция к «бестелесности» в искусстве сентиментализма и «телесность» изображений героев этого произведения в графике художника оказались своего рода смысловой оппозицией.

Ценность книги И. А. Есаулова как артефакта, явления культуры, продукта книгоиздательского искусства повышается достижением гармонии мысли и языка, особой диалогически-функциональной ролью традиционной русской орфографии и художественного оформления.

Тираж рецензируемой книги — 2000 экз., что по нынешним временам позволяет отнести её скорее к научно-популярному типу изданий, чем к научному (тираж подобного рода книг сегодня обычно не превышает 500 экз.). Впрочем, любви все возрасты покорны, и читательский адрес у книг о любви всегда будет шире, чем у большинства среднестатистических изданий на любую другую тему.

Вячеслав Михайлович Головки

Северо-Кавказский федеральный университет, профессор, доктор филологических наук, член Союза российских писателей, действительный член Schopenhauer-Gesellschaft (Deutschland), Россия, Ставрополь, e-mail: vmgolovko@mail.ru

Vyacheslav Mikhailovich Golovko

North-Caucasian Federal University, professor, doctor of philological sciences, member of the Union of Writers of Russia, full member of the Schopenhauer-Gesellschaft (Deutschland), Russia, Stavropol, e-mail: vmgolovko@mail.ru